Выходить
въ каждую пятницу
Адресъ Редакціи:
НОВЫЙ САНЧЪ
ул. Ягайлонская 72.
Администраціи:
ГОРЛИЦЫ,
Лемковская Касса

ЛЕМКО

Подписная цѣна на
газету „Лемко“ на
цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокий Н-ръ 10 г.
Обявленія по договору

Народный еженедѣльникъ на лемковскомъ говорѣ.

Н-ръ 4. НОВЫЙ САНЧЪ, пятница 18. января (31.) 1912 года. Годъ III.

Нашъ обрядъ.

Ци есть што на свѣтѣ красшого надъ нашу вѣру и нашъ сьватый обрядъ? Нѣтъ! Ци есть красша буква надъ тоту нашу букву, котру выдумали славянскы нашы учителѣ, Сьватый Кирилъ и Меѳодій? Ци есть красшій языкъ надъ нашъ языкъ церковный, отъ котрого такъ тхне старомъ сьватостьомъ, въ котрымъ замкнена боязнь Божа и Славословіе? Ци есть дашто красше на сьвѣтѣ надъ нашу »Литургію«, »Утреню«, »Вечерню«, надъ нашe богослуженe, надъ наши »Антифоны«, »Тропари«, »Акафисты«, »Парастасы«? Ци Вамъ не стают слезы въ очахъ, коли запоють »Прійдите послѣдное цѣлованіе?« »А Господи возвахъ«, а »Свѣте тихій«, а »Нынѣ отпущаеши«, а »Слава во Вышнихъ«! А наша »Литія?«

Нѣтъ! На сьвѣтѣ нема ничь красшого, нема ничь торжественнѣйшого, надъ нашъ обрядъ!

А ци мы маме замало того, жебызме вводили новости, котры ни пришыти, ни прилатати до нашого обряду не годенъ? Нѣтъ! Мы маме свого достъ, ажъ за дуже! Нашы предкы были побожнѣйшы отъ насъ и мали што отправляти цѣлыма днями и цѣлыма ночами, а и такъ шыткого отправити не могли.

Мы свое опущаме, а за чуже намъ, хватаме! Коли бы мы хтѣли отправити цѣлу „Утреню“, то на тото саме бы намъ зышло шѣстъ, сѣмъ годинъ. А „Часы“, а „Акафисты“, а „Молебны“...

Што правда, пише наша руска исторія, што пôдъ напоромъ Польщи и »езуитôвъ« пôдписали декотры нашы епископы »унію« съ Римомъ противъ волѣ народа и священства, але и они собѣ вымовили, же нашъ Восточный обрядъ мае быти ненарушеный, незмѣненый! Ци того Римъ дотримуе? Нѣтъ! Онъ ламе актъ презъ него пôдписаный!

Лемкôвъ обвиняютъ, же тягнутъ до православя. То неправда! Мы хцеме привернути лемъ нашому обряду такій обликъ, якій малъ, коли нашы епископы пôдписували унію! Не хцеме жадной моды и прогрессу въ пашой вѣрѣ и обрядѣ! Жадаме на престолы нашыхъ епископôвъ, людей, котры бы ся не занимали политыкомъ и не пхали до ней наше священство, але пульнували церкви и нашого обряда! Политыка для людей мірскыхъ. Въ церкви не може быти политыки, лемъ молитва въ Единого Бога! Мы о тото просиме и того жадаме! И нихто не може повѣсти, же мы жадаме злого. Мы ся тримаме Сьватого писма, же храмъ Божій для молитвы, не для политычныхъ ярмакôвъ! Мы того просиме, а якъ не упросиме, то: »Дорога до Бога каждому свободна«!

Писмо кума Юрка Сторанкы до кума Ваня Гунянкы.

Честный куме!

Доношу Вамъ, жемъ ся дуже застаравъ, жемъ не мавъ заплатити »Лем-

ка» на часъ, бо якъ сами знате, ро̂къ зме мали не потому, та трудно грайцаръ дохопити. Я ужъ мысьлѣлъ, же мѣ »Лемка« не пришлютъ, ажъ смотрю, несе мѣ почтаръ газету, а яку вельку! Я мысьлѣвъ, же то »Голосъ Народа«, а то »Лемко«, наша лемко̂вска газета. Бо »Голосъ Народа«, то голосъ цѣлого галицко-русского народа, а »Лемко« то нашъ лемко̂вскій голосъ.

Га! Слава Богу, то теразъ допѣро будеме мати што чытати! Смотрю чымъ прудше до ней, мо̂й бѣдный Куме Гунянко, та тамъ въ серединѣ ничъ нема! Дежъ и счого я ся довидамъ о Васъ и о Вашой старой якъ небуде додатку? Але смотрю лѣпше, та мо̂й кумъ Гунянка собѣ цѣлу едну сторону загарендовалъ, такъ якъ жыдъ на колеѣ по̂дъ дошкы, або по̂дъ дерево! Бо то знате куме съ тыма старима бабами естъ достъ клопоту, а чымъ старша, то глупша и го̂рша, бо и я мамъ стару. А же я старшый, та и она старша! Я южъ тото добрѣ выпрактикувалъ! Та оно бы намъ было дакусъ лекше, кебысте тамъ деси такъ далеко не втюкъ, бо бызмеся поскаржыли еденъ другому, я на свою стару и Вы на свою стару, бо мы быся оба достъ здали, лемъ то бѣда, же я старшый, а Вы молодшый и цѣкавшый.

Малъ я куме давно до Васъ дашто написати, та засъ бѣда зтыма старыма бабами, все розказує: та тото зробъ, та тото зробъ, и ани рушъ, не дастся до писанины взяти. Ледвомся дохопилъ того велького нового нашого »Лемка« пречытати и дочыталемся, што пише намъ згамерикы Честный Господинъ Викторъ П. Гладикъ, же хто перше дашто до газеты Лемка напише, то му пришле зъ Гамерикы красный презентъ. Но то теразъ тя южъ бабо не посвухамъ, не буду южъ писати до кума Гунянкы, але до »Лемка«, то хоцъ гвечеръ напишу, бо вшыткы люде достаютъ згамерикы преземты, то я жебымъ южъ ничъ не досталъ? Та баба якъ не наробитъ крику: Та хвопе, што ты мыслишъ, та ты ся будешъ до писаркы бралъ, та якъ мѣ не пыможешъ прягти, то нашы хвопцѣ не будутъ на лѣто (выбачте за слово) »гачатъ« мати! Знову баба не дала ми написати и про̂павъ мѣ мо̂й презентъ и то мя такъ розгнѣвало, што мушу до Васъ написати, ажебы ся Вамъ поскаржыти, бо я на Васъ дуже радъ, а найбарже прото, же ся пишете Гунянка! Бо знате перше, были иншы часы, были увечкы, настриглося, вечерами ся спряло, баба тото на варстатѣ »выцямкала«, та были »холошенкы«, не смотрилося на гунянку, а теразъ, ей Боже! якъ мѣ увечокъ бракло, та и помежи люди тото насѣна »выхалѣло«, та нигде вовночкы не купишъ, а отъ жыда той куснѣркы, то ани ся не оплатитъ. Та якбы не тота гунянка, то бызме доцяпъ въ подертыхъ »холосьняхъ« ходили! А такъ збераме стары холосьнѣ, латаме едныма другы и такъ пхаеме бѣду далѣ и далѣ.

Але куме и тото добрѣ, же Русску гунянку южъ ниякъ на польске не перевернешъ, та якъ и стеранку, бо якбы стеранку на польске зоберталъ, тато южъ бы не была стеранка, лемъ »zacirka«! Моя стара все рада стеранку ня твердо затератъ, та якея такой твердой стеранкы моѣ хвопцѣ на предно̂вку наѣдятъ, то кождый собѣ путора разу подскочытъ! До того часу моѣ старой достъ ся стеранка удавала, але теразъ зтого вымоклого зерна, то якоси южъ не такъ, та якъ бы такъ зтакого вымоклого зерна зоберталъ зо стеранкы на »zacirku«, то быся вшытко розлѣзло, (бо полькы такъ певно на твердо затерати незнаютъ) то быто было ани стеранка, ани »zacirka« лемъ »zur«, котрый бы не мо̂гъ смакувати ани Русснакови, ани Полякови.

Але куме Ваню, выбачте же ся Вамъ ищы поскаржу, бо теразъ маме велику бѣду зъ тыма Полякамии маме велике щестя, же зме бѣлы гунѣ на чорны и сивы позмѣняли, бо якбы такъ было якъ давно, то бысмеся жаденъ до Нового Санча не вказавъ, бо бы заразъ битку доставъ. Але и такъ южъ не еденъ обырвалъ про нещесну гуньку! Я былъ пару разы всанчы, а мамъ стру чугу, по няню ци тамъ по стрыку, та хцѣлъ емся до ней загорнути, жебы мѣ теплѣсше было, алемся боялъ и добримъ зробилъ, жемъ не загорнулъ, бо бы мѣ доцяпъ ляхы кыями »гломбикы« отрепали!

Я куме Ваню, якъ сами знате, дуже радъ чытати, та хоцъ моя стара ся зо мномъ сваритъ, же часъ трачу, то и такъ зо мномъ не може дати рады, то и только якъ дохопю, то южъ чытамъ, бо хтѣлъ бымъся довидати, якъ ляхы свій небошкрябъ будуютъ! Все такъ повѣдаютъ, же ляхы ся ничого не навчыли и ничъ незабыли и такъ ся мѣ видитъ, же такъ естъ, бо якъ знате ляхы мали сво̂й достъ порядный »до̂мъ«, но але якъ нема на свѣтѣ ничъ сталого, такъ и ѣхъ до̂мъ зачалъ зо споду бутнѣти.

Ляхы были встраху, же ся звалитъ, и ножъ по Русской нашой земли нашы стопы зберати и заберати и сво̂й до̂мъ по̂дперати и реперовати; але тыхъ нашыхъ столпо̂въ якоси ѣмъ замало было, для того спровадили собѣ новыхъ майстровъ »езуѣтивъ« и тоты майстрове дорадили ѣмъ, же якъ позбераютъ по цѣлой нашой Руси материялъ и по̂допрутъ сво̂й до̂мъ, то на певно ѣхъ до̂мъ на »wieki« постоитъ. И поже полячкове горнути што ся дало, а хто ся тому спротивилъ, то того брали до Варшавы, то того смажыли въ мидянымъ быку, саджали на ко̂лъ, стинали головы, четвертовали, и розвозили на пострахъ по краю, жебы дахто ѣмъ не боронилъ заберати тото, што то̂лько они захотятъ!

Нашы бѣднятка порадилися меджы собомъ, по̂шли, якъ подперли своѣма могучыми плечами ѣхъ до̂мъ и

ХРИСТОСЪ-СѢЯТЕЛЬ.

РАЗКАЗЪ.

»Что бы это значило? — разсуждала она, — недаромъ такое привидѣлось. Сонъ правду скажетъ, да не всякому. Или я ступила въ чужой, лихой слѣдъ? или до утренней зари посмотрѣла въ окно? Братъ кинулся на брата.., пустяки! Они такъ дружны; изъ-за денегъ не схватятся за ножи«. — И стала она думать-думать, поглядывая въ поле, на лѣсъ. Байракъ пожелтѣлъ; съ него осыпались листья. Наступила зима. Снѣгъ занесъ поле, завалилъ сугробами оголѣлые деревья и кусты.

Весною Ганна сходила, будто за ландышами, въ лѣсъ. Поляна около дуба уже зеленѣла; земля у его корня не была рушена. — Все цѣло, — успокоилась Ганна: »будь, чи будетъ; и то правда, лучше подождемъ. Да и что богатство! богатые на томъ свѣтѣ голыми руками каленые пятаки считаютъ!«

Наступила небывалая жара. Люди съ тревогою поглядывали на небо, напрасно ожидая дождя. Небо было безоблачно, Зной стоялъ неугасимый. Растрескалась земля; все увядало и сохло. Иванъ и Андрей съ женою пахали, подъ озими, въ полѣ. Ганну оставили дома, варить, ѣсть и доглядать дѣтей. Она съ осени недомогала; все ей было какъ-то тошно и не мило: она то вздыхала и молилась, то плакала, и отъ слабости едва ходила. Андрей, глядя на нее и на брата, думалъ: »Но теперь уже, кажется, и вправду не долго ждать«.

Былъ обѣденный часъ. Ганна выглянула въ окно и не узнала выгона. Небо потускнѣло. Облаковъ и тучъ не было видно, но въ воздухѣ стояла какая-то мгла, сквозь которую туманомъ синѣлъ чуть видный лѣсъ. Ганна вышла изъ хаты. Слышитъ, куры кудахчутъ; видитъ, воробьи купаются въ пыли. Думаетъ: »Слава те, Господи, къ дождю; недаромъ небо было красно до зари«. Она накормила Андреевыхъ дѣтей, прибрала посуду, налила въ чистый горшокъ горячаго борщу, нарѣзала хлѣба и все увязала въ платокъ, чтобы нести въ поле. Обулась, сказала дѣтямъ: »сидите же смирно, пока возвращусь« — и вышла съ узломъ въ сѣни. Тутъ она увидѣла въ углу заступъ и замерла. — »Сонъ, сонъ!« — подумала она, не помня себя отъ страха и мучительной, ей самой непонятной радости. Отворилъ дверь въ каморку, она ткнула туда узелъ, схватила заступъ и безъ оглядки пошла къ лѣсу. Идетъ, такъ на крыльяхъ.

Идетъ, а навстрѣчу ей изъ-за лѣса подымается и растетъ темная, грозная туча, мигаетъ голубыми и алыми молніями. — »Пойдетъ дождь, не спохватятся« — думаетъ Ганна — »успѣю отконатъ и зарытъ и въ иное мѣсто«. Ужъ она надъ деревьями завидѣла маковку старой суховерхой липы. — Ганна подошла къ лѣсу. Огромная дождевая капля упала ей на лицо.

Тутъ откуда-то вырвался и взыгрался страшный вихоръ. Раздался оглушительный ударъ грома. Все завертѣлось въ пыли, сорванныхъ листьяхъ и сучьяхъ: поле, травы, лѣсъ

само ся ѣмъ тото стало, што и »филистинамъ« въ Старымъ Законѣ. Длятого они бій-забій на все што Русске!

Такъ давно, якъ и гнескы ѣмся деси на небосклонѣ привидѣлъ не такый дôмъ, якый ся ѣмъ розваливъ, але цѣлый такый Американскый небошкрябъ и при той прикрой ситуаціи Европейской, при помочы Нѣмчыкôвъ, ноже зберати матеріялъ на сей »небошкрябъ« а на насъ пустили своѣхъ »хунхузôвъ« и башибожукôвъ«, бо они не забыли, ани ся знами лѣпше обходити не навчили, а пришло до того, што вôйско, якъ иде дорогомъ, а встритится знашыма фурманами, то кричытъ: а »будешъ ляхôвъ и жыдовъ резалъ«! и не дай Боже Русскому чловеку достатися до корчмы и напитися и даяке слово повѣсти, бо заразъ го жыди оскаржатъ, то тамъ вкреминалѣ довидатся штукы, познатъ Бога на небѣ за тыхъ два три тыжнѣ слѣдства. Такъ, якся стало едному господарю зъ Береста, што волѣвъ бы въ спокою и цтивости цѣлый рôкъ, вкреминалѣ сѣдити, якъ мали тôй жыдôвцѣ несполного розума увѣрити, што на него донесла. Машъ Руссе чысцьовы мукы!

Будте здоровы куме, поздоровямъ Вашу стару, а прошу, не забудте и Вы на мою. *Вашъ кумъ Юрко.*

Противъ „Лемка“!

Въ еденъ денъ мы достали 24 числа нашой газеты »Лемко« назадъ, на котрыхъ была печатка ждынской почты и написане на шыткыхъ едномъ рукомъ: »Retour«, »неприймаю« фонетыкомъ. Тото намъ ся штоси пôдозрѣле выдало, бо дежъ бы шыткы хлопи еднако писали и фонетыкомъ? Прецѣ хоцъ бы и самъ цисаръ нѣмецкій приѣхалъ до Ждынѣ, та бы тôльо »украинцiв« не наробилъ!

Взявся нашъ редакторъ, тай гайда до Ждынѣ! Пытатся едного, другого хлопа, ци ôнъ газету отсылалъ назадъ: Та де, гваритъ, анимъ ей не видѣвъ«! Аписмо чіе? »А пана учытеля »Борташа«! Мы на почту, а панѣ почтярка бесѣдуе, же то листоношъ виненъ. Менша съ тымъ хто виненъ, отымъ повѣстъ »Дирекція Почтъ« и ц. к. Судъ! Мы лемъ тыхъ ждынянôвъ, газдôвъ зъ Луги и зъ Конечной просиме, жебы заразъ реклямували газету, если не достануть. Тымъ што имъ »панъ Борташъ« вернулъ газету назадъ, вышлеме газету и календарь ажъ втоды, коли пôдпишутъ ся на тымъ паперѣ, што мы тамъ въ Ждыни оставили и одошлютъ до Горлицъ, до »Лемков. Кассы«.

Але то не лемъ въ Ждыни: Пише до насъ хлопъ отъ Змигорода, зъ Перегримкы, што »егомость« выступуютъ противъ »Лемка« и конфискуютъ го а йому наша газета ся подобатъ, присылатъ пренумерату и проситъ, жебы му такъ даякъ посылати газету, жебы мôгъ достати...

Наразѣ мы о тымъ дуже бесѣдувати не будеме, лемъ повѣме тôлько же мы мали въ своей программѣ не выступувати противъ поодинокыхъ люди, якъ але насъ до того змусятъ, то выступиме!

Мы не потрѣбуеме агитаціи за нашомъ газетомъ, але и противъ стерпѣти не можеме и не стерпиме!

Мы отдали газету въ рукы хлопу и маме надѣю, же Онъ самъ позналъ, котра газета для него добра, Онъ самъ поставитъ тоту газету на ногы! Панове забываютъ, же хлопъ естъ такымъ гражданиномъ Австріи, якъ и они, же йому вôльно тото чытати, што каждому минѣстрови... Минули часы, коли хлопъ былъ быддяткомъ! Хыбаль, же хто хце агитаціомъ противъ Лемка« заслужити »пельеринку«, »червеный гузѣкъ«, або сьлѣдомъ епископа »австрійске шляхецтво«, то трудно! До »гонорôвъ« дорогу замкнути не годенъ!

Мы лемъ наразѣ звертаме увагу, же на газету лѣпиме »марку« и адресъ ей властителя **и лемъ тому до кого задресувана вôльно ся ньомъ розпоряджати**! *Редакція.*

Изъ лемкôвско-народ. пѣсень.

I.

Откаль сонечко всходило 2.
Тамъ дѣвча яблôнь садило. 2.

Росне яблонка высочка, 2.
Ей а попри земли широчка. 2.

Уродъ яблочко червене 2.
Якъ мое личенько румене. 2.

Уродъ яблочко лебо двѣ 2.
Едно миленькому, друге мѣ. 2.

II.

Мамцьо (2) мамичко моя
Купте же мѣ периночку
Най ся выдамъ того рочку
Мамцьо (2) мамичко моя.

Дѣвко (2) дѣвичко моя
Купью я ти периночку
Не видай ся того рочку
Дѣвко (2) дѣвичко моя

Мамцьо (2) мамичко моя
Лѣпше зъ мужомъ на камени
Якъ зъ мамичкомъ на постели
Мамцьо (2) мамичко моя.

Переписалъ *А. Цьѣлякъ*

Важне для родинъ „резервистôвъ“.

Родины покликаныхъ можутъ жадати от власти вынагороджиня, если покликаный утримувавъ родину, або

и сама Ганна. Она видитъ, что заступъ выпалъ у нея изъ рукъ и ее, какъ былинку, несетъ куда-то высоко-высоко, съ листьями н сучьями, что-то бѣлое, туманное и гремящее непрерывными раскатами грозы. Она съ ужасомъ поняла, что ее подхватилъ налетѣвшій полевой вихорь. Ни молиться, ни думать отъ страху она не могла. Взглянула внизъ — земля чуть видна; кругомъ облака, молніи, а громъ реветъ и стонетъ.

Вихорь унесъ Ганну на небо.

Облака разсѣялись! Выглянуло солнце. Поверхъ облаковъ — другая земля. Зеленѣютъ травы, а по свѣжей пахоти ходятъ такіе-то старцы. Ганна очутилась возлѣ нихъ и поняла, что впереди — самъ Господь Христосъ, а за нимъ апостолы Петръ и Павелъ и угодникъ Божій, побѣдоносецъ Юрій. Удивилась Ганна: Господь-Христосъ въ сѣромъ зипунѣ, простоволосый и съ лукошкомъ черезъ плечо. Іисусъ бралъ горстью зерна пшеницы и сѣялъ; Петръ ему подсыпалъ изъ мѣрника, а Павелъ и Юрій, ведя сзади воловъ, боронили слѣдомъ землю.

И увидѣлъ Господь Ганну и позналъ ее. Та упала ему въ ноги.

— Господи, Іисусе сладчайшій — рѣшилась, не смѣя глянуть на Спаса, проговорить Ганна: вижу твое чудо я на небѣ; но зачѣмъ ты меня, грѣшную и глупую рабу, взялъ съ земли, отъ мужа и близкихъ, въ твое высокое царствіе?

Раздалось властное слово:

— Чтобъ ты видѣла все.

— Но, Боже милый, Боже правый — проговорила Ганна: — я грѣшными мыслями мыслила, что твое царствіе въ вѣчномъ сіяніи солнца, что ты на престолѣ облачномъ, въ вѣнцѣ изъ звѣздъ и въ одеждѣ изъ утренней и вечерней зари; а ты въ простомъ зипунѣ и, какъ убогій пахарь, сѣешь землю. Тебѣ служатъ ангелы и апостолы не тебѣ ли быть въ вѣчномъ достаткѣ и насъ, всѣхъ бѣдныхъ, сдѣлать богачами? Мы бы тогда не работали, жили бы на покоѣ и вѣчно прославляли бы имя Твое.

Прозвучала тихая, милостивая рѣчь.

— Рабыня добрая, но малосмысленная! Богатому сладко ѣстся, но плохо спится. О деньгахъ не думай: когда деньги говорятъ, тогда правда молчитъ. Нѣтъ выше благодатнаго, земельнаго труда. Въ немъ, послѣ молитвы, все спасеніе и все счастье на землѣ. Трудись и тому же учи своихъ дѣтей.

— Но какъ же, какъ же? — взмолилась въ слезахъ горестная бабенка: мужъ у меня хорошій человѣкъ, но денегъ у насъ мало; все, что наживается, идетъ на хозяйство; домъ, какъ яма, никогда не наполнишь; у меня же, боженька, ни шелковаго платка, ни добрыхъ коралловъ, ни красныхъ сапоговъ. И мужа до сихъ поръ не слушаютъ на міру...

— Все вырастетъ изъ земли отъ вашихъ рукъ — прозвучалъ ей отвѣтъ: будетъ колосъ, будетъ и голосъ.

Ганна слышитъ, опять взыгралъ вихорь. Она подняла голову. Видитъ: она сама лежитъ ничкомъ, на полянѣ, у дуба. А надъ лѣсомъ, гремя и сверкая молніями, въ небо уносится бѣло-туманная туча, и отъ той тучи, какъ

помагавъ такъ, што она безъ него понесла страту.

Запомогу можутъ отримати:

1) Жена и сьлюбны дѣти,

2) Сьлюбны родиче и дѣдове,

3) Несьлюбна мати и несьлюбни дѣти, (тоты послѣдны не все).

Шыткы тоты можутъ достати крайову запомогу, коли докажутъ, же утримувавъ ихъ сынъ, отецъ, внукъ,

---

отъ кадильнаго дыма, идетъ благоуханіе по всему лѣсу.

Ганна встала. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, росъ спѣлый и сочный, несмотря на засуху, пшеничный колосъ. Ганна все передала мужу и привела его сюда. Иванъ, сорвавъ колосъ, сообщилъ о случаѣ съ женою Андрею. Братя подумали и рѣшили отдатъ кладъ на поминъ отца, цѣликомъ на бѣдныхъ и на церковь.

Въ ихъ селѣ и донынѣ показываютъ иконостасъ, надиво расписаный на ихъ жертву. Ганнѣ, вскорѣ послѣ того, когда съ нею было видѣніе, Господь далъ сына, и родители назвали его Богданомъ. Отъ найденнаго колоса пошла въ той сторонѣ пшеница-усатка, какой дотолѣ и не видывали. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ диковинный, и обрадованные братья накупили женамъ всякихъ нарядовъ.

1886 г.

(КОНЕЦЪ).

котрый зоставъ покликаный до войска або же його помôчь была така, же безъ той помочы выжыти не можутъ.

Найвецы тото дотычытъ хлопôвъ, бо въ насъ на газдôвцѣ значатъ дуже молоды, здравы рукы, котрыхъ хоцъ кому бракло, бо мусятъ »гверъ« носити.

Хто зъ селянъ чуеся покривдженымъ, ма потрѣбны доказы, найже иде до вôйта, ôнъ мусить му выдати отповѣдный »формуляръ«, котрый выповнитъ и занесе пазадъ до вôйта, а вôйтъ южъ го одошле тамъ, де треба.

Запомога така: Дорослымъ выплачаютъ по 53 гел. денно, а дѣтьомъ до 8 лѣтъ половинку. Зъ того выходитъ, же хлопъ, котрый лишывъ дома жену и двое дѣти, достане на жену 53 гел. и за дѣти тѣжъ 53 гел., то значытъ, за каждый денъ службы достане 1 К. 6 гел. и т. д. А если служытъ мѣсяцъ, два, та достане порядный грайцаръ.

Найже нихто зъ интересуваныхъ о тымъ не забыватъ, бо часы тяжкы!

На остатку зазначаме, же можна вносити поданя о запомогу найдале 2 мѣсяцѣ по выпущыню зъ вôйска. Хто ся спôзнитъ, тому пропало! Треба ся понагляти!

Признаны запомогы выплачатъ »Урядъ податковый«!

„Сьватый Вечеръ“ у Лемкôвъ.

А якжесте тамъ въ сьваткували братя Лемки? Ци щесливо? Ци малисте хоцка бандуркы на сьвату вечерю. Бо я знате барзъ не гарды сьвята малъ, ищи не памятамъ такыхъ, хоцъ мѣ ужъ пятдесятъ другій рôкъ! Вера Боже не памятамъ! Прiѣжджамъ я знате зъ млина, возивъ емъ кусъ ярцу и гнилой пшенички на бобалькы. Прiѣжджамъ до хижъ, запровадивъ емъ коня до стайнѣ, давъ кусъ смердячого сѣна, тай зношу муку до избы. Призерамъ ся а стара стоитъ при пецу, тай плаче. Но штоже тамъ нового, чого бечишъ, гварю до ней, певно зновъ якы грокы, не моглабысь помочи муку знести, лемъ ся неца тримашъ? Ей Божечку мой Божечку, заводитъ стара, якъ за гмерцемъ. Та дале но спокôй, што ти естъ. Ей, што, што, тебе ничъ не обходитъ лемъ тота полютыка тай »полютыка« а мѣ жандаръмарiи хтѣли хыжу розвалити! — Што ти было, гварно по людеку! — »Е та што, пришли два »жандармарiи« и якыйсикъ, та якъ панскій дѣдъ и поперевертали мнѣ лахы въ скрини, ци нее якойсикъ бомбы отъ москаля.

— Е та най имъ такъ Богъ заплатитъ, гварю, дай спокой дай«!

Дѣти ся такъ перестрашили, повѣдатъ стара, же ся зрываютъ въ снѣ. Малый Ванѣкъ, таку матъ горячку, жемъ му ажъ мокру хустку приложила на голову, зрыватъ ся, тай кричитъ: »Мамуньцю я ся бою шандаля!«

Отъ и таке привитаня въ хыжи. Дѣти въ горячцѣ, стара плаче, снôпкы порѣзаны, лахы попревертаны, Божечку мой Божечку, дай же и намъ Руснакамъ яку свободоньку дай; отмѣнъ тотъ тяженькый часъ, бо пукне терпеливость и не знаме што буде.

Такъ минуло три дни... На самъ сьватый Вечеръ рано, рубамъ я дырва старôй на вечеръ, а ту иде жандаръ: »Hej ty stary, chodź no tu«, кличе мя знате на дорогу. Не мамъ теперь часу, пôждыйте кусъ, лемъ старой дровъ нарубамъ, жебы мя не сварила. Chodź tu«! верещитъ, якъ бы го чорты брали.

Пôждыйте, пôждыйте кусъ, мате часъ, иньшой роботы не мате.

»Czego nie idziesz, jak cię wzywam, ha?« прибѣгъ жандаръ, якъ льокомотыва«.

— »Видите, же не мамъ часу!«

— »Zbieraj się i chodź do aresztu, zbierałeś pieniądze na moskala ty patryotniku«.

— »На якого москаля, гварите, якъ въ горячцѣ, разъ повѣдате же намъ москаль присылатъ, другій разъ мы йому... шкода же зъ васъ жандара зробили.

— »Na moskala, czy serba, to jest wszystko jedno, pakuj i chodź. Та якъ на сьватый вечеръ? гмене сьвато рôчне, што вы хцете?

Taki jest rozkaz z Starostwa — каже жандаръ, prędzej ruszaj.

А жебы паскы не дождали таки

старосты за православный русскый народъ!

Такъ емъ вамъ знате ся позлоствъ, же ажъ мя подъ серцемъ кололо. Но ити то ити. Стара будъ здорова, дѣточки будтте здоровеньки! Дѣти якъ органы на костелахъ, одно тонше, друге грубше, старой лопата зъ рукъ выпала (бо саджала хлѣбъ до пеца) якъ увидѣла жандара, А я гуньку на ся тай адзимку до торбы, тай въ дорогу. Не плачте дѣточки, не плачъ Евка, я не самъ буду сьваткувати въ тюрмѣ, насъ соткы буде, не плачъ, то гоноръ для мене и для тебѣ и для дѣтый нашихъ, же я терплю за правду, за любовъ до братей славянъ, за народъ нашъ русскый. Цитъ, сьваткуйте здоровы. Перекрестивъ емъ ся тай иду.

Люде выходятъ зъ хижъ: Гдежъ вы такъ Семане? Е на коляду до пана жандара. Бобы плакали декотри, но газды нашы завидували мѣ знате въ очахъ ихъ можно было чытати: »Терпенъ спасенъ«; но и терпеливостъ матъ границю, думамъ я собѣ въ серцю. Идеме тай идеме, жандаръ ничъ и я ничъ не гвориме. Ажъ пакъ гварить: Мы васъ научиме, посѣдзишъ сь мѣсяцъ, будешъ спокойный, будешъ цѣпа пильновалъ, не газеты! Ей пане, паңе, шкода же мудрого удавате, а таки глупства плетете! Гнеска тотъ бортакъ што не читатъ газеты, гнеска смѣютъ ся съ такыхъ, вонъ глупый якъ ходакъ, вонъ не знатъ о сьвѣтѣ; не зналъ бы и того, же гнеска такъ русскый народъ мучатъ: а гарештомъ, не страште, бо хибабысте мусѣли выставити такый гарештъ на повъ Галицiи, штобы шиткыхъ Руснаковъ позамыкати. Такъ такъ, пане жандаръ, не скуете русского духа въ кайданы, народъ русскый не згинулъ въ польскый, пятъ сотълѣтный неволи, не згинулъ, коли нападали на него Туркы и Татары, не згинетъ и теперь, шкода вашыхъ трудовъ!

Ну, ну ты барзъ мондры, гварить жандаръ, ты мудрагель, посѣдишъ колька мѣсяцей, то ты змякнешъ, ты будешъ зналъ, якъ народъ до бунту намавляти, змякнешъ пташку, якъ воскъ змякнешъ«.

Тай такъ розтаракалъ ся жандаръ, якъ млинокъ: я слухамъ, тай ажъ мѣ ся смѣяти хце, жебысте хоцъ дакусъ нове повѣли, гварю му, а вы такъ гварите, якъ и тоты лапсердакы польскы, што жидамъ воду носятъ, бунтуешъ ся, тай бунтуешъ. до москаля тягнешъ, тай таке плетете вы и шиткы сурдутовцѣ ваши и цѣла голота украинска и шитка ваша обрѣзана и не обрѣзана шляхта! Кто любитъ свой народъ, свою вѣру православну, свою церковъ, свой обрядъ, то ся бунтуе, зато же вамъ на руку не иде, же не дастъ поневѣрати русского имени, вѣры, письма и мовы. Бунтуешъ ся русскый хлопе, але якъ, то никто не скаже.

Ой бунтувалисме ся бунтували подъ Конигрецомъ, бунтувалисме ся на »Прусака«, што станувъ, противъ нашого цѣсаря, ляла ся русска кровиця ляла.

Бунтовалисме ся на Италiянца подъ Мадженгомъ, подъ Сольферином бунтовалисме ся на Мадяра, што не хтѣлъ нашого Найяснѣйшого королемъ признати. Ваша польска шляхта и людность, сыпала на насъ градомъ куль, боронила Мадяра, а мысме шли впередъ неустрашено, шли въ оборонѣ цѣсаря и державы, мы Тирольцы востока, мы гнесъ черезъ ваши подлiи клеветы здрадниками стали.

Гинули наши дѣды и вотци на поли битвы, гинутъ ихъ дѣти и внукы по кременалахъ. Но въ Возѣ надiя, отворятъ ся очи тымъ, котры вѣрятъ подлымъ пльоткамъ.

Такъ смезъ жандаромъ си радили по дорозѣ и такъ сме дойшли до мѣста. Купы жидовскои и польскои голоты збѣгло ся на дорогу, бѣгло все, якъ бы ся повстекало. Choć Jontek widzieć szpiega, chodź Kaśka, Ciekla chodź!« Заставили улицѣ, та якъ бы рабинъ приѣхалъ, або польскый бискупъ! А »moskal«, а шлякъ бы цье трафилъ, а »шпьегу« и таке инше, чулисте не разъ, якъ то польски и жидовски шубравцѣ на Руснака брешутъ.

Я ишовъ, якъ герой и думалъ: »ходте шиткы шубравцѣ и вчiйте ся любови до свого, отъ русского хлопа, вчiйте ся отъ него вставати неустрашимо въ оборонѣ своего народа. Шелъ якъ якый король, голову поднесъ емъ въ гору якъ николи перше, дивилъ емъ ся смѣло и весело на тоту галастру, якъ мученникъ христiянскый, въ часахъ поганскихъ, котрого ведутъ на смертъ. Гадалъ емъ ей въ серцю, ты тисячная голото хочешъ образити того, котрый тя кормитъ, приодѣватъ и огрѣватъ.

Поздыхали бысте шубравцѣ и паршивцѣ, якъ бы не тотъ русскый хлопъ, котрый васъ своемъ кервавицемъ кормитъ, попухлилысте съ голоду, якъ бы не тотъ дурный, русскый Ваньо, што бере въ жидовскихъ або ляхавскихъ склепахъ товары, што дае робити знаряды, обуву, або одѣжъ до польскыхъ и жидовскыхъ полатайковъ, такъ, якъ бы Руснакъ ужъ былъ такый нездара, же ани склепу не могъ бы провадити, ани на ремѣсника ся вывчыти. Но прийде часъ и на то и Руснакъ перестане дѣлити на кускы тото каменисте поле, а заберется до торговлѣ и промыслу, въ Богу надiя.

Идеме такъ черезъ мѣсто, я и не слухамъ того, што тамъ брешутъ, (бо песъ бреше, вѣтеръ несе) тай приходиме на рынокъ. Ту ужъ трудно ся перепхати, товпы а товпы народу. Позерамъ и очамъ своимъ не вѣрю, фуры одна коло друхой, тяжко сьвѣту, а на фурахъ польске войско, съ косами, съ червонима шапками, войско гварю вамъ войско, што таке спите, якъ свинѣ за перепрошеньомъ. Радъ бымъ ся кого спытати, што то буде, та не знамъ кого, ажъ зыркъ, а ту иде Феннинъ Мыкыта. Вы ту што робите,

гварю? Прийшолъ емъ до суду, украинсська асекурація мя скаржитъ, жемъ вступилъ до Славіи. Отступъ, но кричитъ до него жандаръ.

(Дале буде).

ЖЕРТВЫ.

На »Русскую Бурсу« въ Горлицяхъ.

У насъ въ Чикаго найшлись люди, которы отчули нужду нашихъ старокраевыхъ братей, а имменно: гт. Иванъ Грацонь и Михаилъ Евусякъ, которы не жаловали труда, а пойшли отъ хаты до хаты и собрали по большой части между нашими Лемками понисше поданы жертвы на русску бурсу въ Горлицяхъ. Жертвовали:

Иванъ Грацонь 3 дол., Михаилъ Ив. Евусякъ 1 дол., Николай Домашовецъ 1 дол., Ник. Стухлякъ 1 дол., Иванъ Путиловскій 1 дол., Максимъ Курей 75 цт., — По 50 цт.: Иванъ Юрковскій, Настя Гратцонь, Наста Пышь, Василій Скарлошь, Марія Станкевичь, Гр. Дзядикъ, Павло Романовъ, Марія Ждынякъ, Николай Петрикъ Конст. Крегель, Леонъ Яблонскій, П. Фринцко, Стефанъ Хованскій, Николай Козакъ, Теод. Гратцонь, Петръ О. Батуревичь, — По 25 цт.: Алексій Живицкій, Милянія Чичила, Иванъ Курей, Прокопій Тудей, Ив. Гавришь, Наста Гарбера, Анна Клепачь, Ал. Ющакъ, Юлія Ковальчикъ, Николай Бойко, Я. Стружекъ, Иванъ Крегель, Пазя Пупчикъ, Антоній Станко, Викторія Децьо, Симеонъ Франикъ, Кароль Романякъ, Константинъ Мельнмъ, Тимофтей Гривнякъ, Михаилъ Чарнота, Наста Быжикъ.

Разомъ . . . . . . дол. 21·20

Росходъ на стриткару 80 цт.

« пересылку 12 «

Разомъ . . . . 92 «

Переслано въ Ред. »Правды« дол. 20·28

М. Е.

Ровысшую суму дол. 20·28 мы получили. Тіи гроши вышлемъ где слѣдуе. При томъ складаемъ въ имени горлицкои бурсы сердечное благодареніе всѣмъ жертвователямъ, якъ также гт. Ив. Грацонь и Мих. Евусякъ за ихъ труды при собиранію жертвъ. Нехай Богъ вынадгродитъ всѣмъ сторицею.

Ред. »Правды«.

На Лемковскій Народный Фондъ.

Жертвували Лосяне повѣта горлицкого:

Василій Галль 1 К., Иванъ М. Галль 1 К., Григорій М. Галлъ 1 К., Михаилъ М. Галлъ 1 К., Стефанъ Фуртакъ 1 К., Іоакымъ Дудра 1 К., Юлія Олесневичъ мол. 1 К., Стефанъ П. Рогоцъ 60 г., Михаилъ Евусякъ 60 г., Подрôбну зложили 1 К. 60 г. Разомъ 10 К. 80 г.

Собрали на забавахъ Стефанъ Т. Рогоцъ и Михаилъ Ебусякъ з Лосья. Исидоръ Ѳ. Коверчукъ. Кроковъ 1 К., Стефанъ Кобанъ 3 К.

Боже заплатъ!

Гроза другой вôйны балканской.

Здавалося южъ, же буде покôй, же Турція розбита, знищена уступитъ и згодится на шитко, што жадаютъ отъ ней балкански Славяне, а тымъ часомъ такъ ся складатъ, же вôйна меже нима выбухне на ново. Минѣстры турецкы южъ ся годили на шытко, южъ хтѣли уступувати Болгарамъ Адріянополь и правѣ надъ тымъ радили, коли: **въ Турціи выбухла революція**, котру такъ звана партія младотурецка выкликала. Генералъ младотурецкій« впалъ сь офицерами на раду минѣстрôвъ, котры хтѣли згоды зо Славянами, едного застрѣлили, а решту змусили уступити и поставили такыхъ минѣстрôвъ, котры не хцутъ згоды лемъ вôйны съ ненавистнымъ христіянскымъ родомъ! Пôдтртмуютъ ихъ нѣмцѣ. Якъ польскы газеты доносятъ, нѣмецкій генералъ, котрый вчылъ туркôвъ воювати, былъ предъ тымъ день въ Константинополю, пôдбурилъ ихъ жебы зошмарили покойовыхъ минѣстрôвъ и же для турецкыхъ войскъ выробилъ новы пляны, якъ маютъ Славянъ бити!

Мы маме въ Бозѣ надѣю, же якъ перше не помогли його плянѣ поганцамъ противъ сьвятого Креста, такъ и теперь не поможутъ, але напротивъ, принесутъ погибель и зотрутъ разъ навсе бисурмана зъ лица Европы.

Въ цѣлой Европѣ пахне порохомъ. Европейскы державы подѣлилися на двѣ части. Една часть, Россія, Франція и Англія стоятъ за Славянами, друга часть, Нѣмцѣ, Австрія и Италія за Турками. Незнати котрой части политыка возме верхъ, бо дотля брала верхъ все полѣтыка Англіи, Франціи и Россіи. Але коли нѣмцѣ выкликали революцію въ Турціи, та шытко ся змѣнило и здаеся приде до другой вôйны балканской, а потôмъ засъ полѣтычны торгы, або Боже заваруй, вôйна европейска.

Пишутъ намъ, же на помôчь туркамъ выберается »атаман украïнських сїчі пан Трильовський«. Якъ такъ, та дрожи Балканѣ, дрожи Россія, Англія, Франція, бо по під горою, долом долиною козаки идутъ!«

Базьо и егомосьць зъ Ростоки маютъ достарчыти пива и оковиты. Зъ Маластова егомосьць пріядива до пуцуваня гверôвъ, бо десп тамъ зберать. Пишутъ намъ, же кельохъ Пантнянôвъ зъ Просьвіти тѣжъ ся выберать помагати Туркови, учытель нима буде комендерувалъ.

Якъ такъ ся рѣчы маютъ, та здаеся, же цѣлкомъ вôйны не буде, бо Славяне ся встрашатъ и уступятъ.

Буде ся мусѣла цофнути предъ нима и Англія, Франція и Россія.

Будеме видѣти.

Новости.

Отъ Редакціи: Съ тымъ числомъ розсыламе решту календаря въ нашымъ краю. Хто не доставъ най ся до насъ зголоситъ. До Америкы вышлеме съ наступныма числами.

Препрашаме, же дотля зме не давали въ газетѣ сьвѣжыхъ образкôвъ, але почавши отъ 5 ч., буде въ каждой газетѣ новый образокъ сатыричный. Лемъ просиме барзъ гардѣ о вырôвнаня пренумераты, най каждому лежытъ на серцѣ добро нашой газеты. О агитаціи противъ нашой газеты про-

симе намъ заразъ доносити, а мы постарамеся шыткыхъ тыхъ агитаторôвъ намалювати, жебы знала цѣла Русь, якъ вызераютъ Ей ворогы и Ей выродны сыны!... Бо кто противъ нашой газеты, тотъ противъ единства русского народа!

Гоненія на Православную Вѣру. Доноситъ »Прикарп. Русь«, же православный священникъ зъ села Ляцкого коло Золочева, о. К. Цымбала зосталъ засудженый староствомъ на 10 днѣвъ гарешту зато, што окрестилъ дитя по православному обряду.

За кымъ нѣмцѣ, полякы, и нашы мазепинцѣ стоятъ. Газеты доносятъ, же въ мѣстѣ Зворнику напали туркы-мусульмане на церковну процесію Христіянъ и 15 люди замордували. И за такыма зьвѣрями обстае частъ христіянства и не хце позволити на то, жебы ся православны христіяне увôльнили зъ пôдъ ихъ ярма! Езуиты, езуиты«, коли вамъ приде на конецъ?...

СЪ ТЫЛИЧА пишутъ намъ: Тыма днями розôшла ся въ насъ нова вѣдомостъ, именно, же ма прити до насъ прускe войско, котре ма взяти въ опѣку шыткыхъ поляковъ, якіи жіютъ въ тыхъ горахъ передъ нападами русскихъ лемкôвъ. Такы то вѣсти ширятъ въ насъ, якъ ся довѣдуеме, самы жандармы. Што то ма значыти? Ци може въ тотъ спосôбъ хтятъ спокôйныхъ лемкôвъ спровокувати?

Дальше сандецкій староста розосялъ окульникъ, до всѣхъ громадъ своего повѣта, въ котрымъ приказуе ся лапати, отдавати жандармамъ и доносити ц. к. Староству на хлопôвъ, котры ходятъ въ плащахъ »россійского войска. Тѣжъ достъ цѣкаве! Чловекъ достъ крутитъ ся по свѣтѣ, а ничъ не видитъ а панъ староста у себе въ канцеляріи сидитъ а рôжны чуда видитъ! Може то тоты паны маютъ дакы решпектива«? Но але мы лемкы знаме ся на такыхъ польскыхъ решпективахъ.

Ворожатъ остру зиму. Нѣмецкій астрономъ ворожытъ, же друга половинка зимы буде окрутнѣ остра, не такъ, якъ перша. Рыхтуйте-же кожухы, керпцѣ, шапкы, складайте санѣ!

Жандаре гостями у хлопôвъ. Пишутъ намъ: Дня 11 сѣчня 1913 была переведена въ нашôмъ селѣ Урожѣ, (пов. Дрогобычъ) жандармами ревизія у слѣдующихъ селянъ: г-на Михаила Гомзяка, предсѣдателя читальнѣ Качковского, г-на Андрея Гомзяка, библіотекаря и у мене, секретаря читальнѣ и есаула Русской Дружины. Жандармы съ вôйтомъ шукали за »россійскима книжками и мапами, але же не нашли, тай мусѣли бѣднятка вдоволити ся книжочками изд. Качковского и кôлька числами Лемка. (Мусятъ прецѣ штоси пану старостѣ принести, бо панъ староста бы на нихъ кричали и »гажу« бы имъ затримали. Оно гнетъ будутъ конфискувати коцюбы »лопаты«, корытцята и шытко повлечутъ до панôвъ старостôвъ, яко доводы »шпіонства въ корыстъ Россіи.

Чуда небесны. Зъ Выссовы, горлицкото повѣта пишутъ намъ: Дня 23 и. ст. января 1913, о 10 годинѣ въ вечеръ вказалася на небѣ сильна блисковиця, обнявши правѣ цѣле небо, а потôмъ о якы три минуты сильно загырмѣло, якъ лѣтомъ. Люде ся пострашыли и приписуютъ тому явленію природы недобрый знакъ, тымъ веце же въ тымъ дни былъ острый морозъ. (Небôйтеся люде, то певнѣ нашы жандармы залѣзли на ревизію до неба и нашли »шпіега« зъ бомбами въ корыстъ Россіи.)

Надѣли сой мазепинцѣ
козацку одеджу,
Тай лемковску съ крикомъ-гукомъ, преступили меджу.
Хтѣли вѣру „иначыти"
русскостъ закопати
Нашу святость одобрати а свою намъ дати.

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика" Русь-здрадника льокайско-нѣмецка
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасуютъ...
Неборакы „мазепинцѣ" съ „йопкомъ" отлѣтуютъ...

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

ПОЛЯКИ О »МІЛЬКУ

Gorlice.

Małastiwskij jegomość,
Pijanycia, sobaka —
W szynku, w cerkwi, gdzie można
Robi z siebie Bortaka...

Małastiwskij dobrodij
To prototyp swołoczy —
Gorzej chama, pijaka,
Kiedy mordę zamoczy!

Pomnij bratku, szczo pryjde
Kotiuzi po zasłuzi...
A za takie zasługi
Czasem biją po buzi!

Śmigus.

Привернулъ коровѣ молоко.

Пришла баба до аптыкы та скаржится, што ѣй коровѣ чаровныця молоко одобрала. »Порадьте мѣ дашто« — гварытъ до аптыкаря. Добрѣ — гварить аптыкарь — може ся для васъ найде якый лѣкъ, лемъ мѣ повѣчте то, о што васъ запытамъ. До котрой стороны звернена ваша хыжа?« — »До полудня« — Добрѣ, а суть коло ней дерева ? — Та суть . »А мате вы доста конюшины? — »Мамъ — Лука въ васъ есть? — »Го го ищи яка, трава на нѣй велька росте«. Теперь я вамъ таку — гварить аптыкарь — даю раду: закля ищи сонце зойде, переженте корову три разы наоколо хыжи, лемъ зачинайте отъ полудня, а коло кождого дерева сплюньте, а уважайте, штобы васъ никто не видѣлъ; потомъ попровадьте ю на луку, най ся пасе. Якъ ся напасе, возьте ю до дому, дайте ѣй за драбину гардѣ конюшины, але вложте до ней тотъ корѣнчикъ, котрый вамъ теперь дамъ.

Такъ робте што дня, а за тыжденъ прійдете мѣ повѣсти, чи помогла моя рада.

За тыжденъ приходитъ баба до аптыкаря та не зна южъ якъ му дякувати, же коровѣ молоко привернулъ. Мыслѣла направду же то помогъ тотъ корѣнчикъ и чары аптыкаря.

По русску буде такъ!

Маластовскій егомосць
Пяниця гайдамака
Въ шинку въ церкви де може
Робитъ зо ся бортака

То проводірь голова
Украинской сволочы
Горше хама, піяка
Коли морду замочи!

Смоле братку дай покій
И Руснаковъ не тыкай
А откаль есъ пришелъ
Беръ манаткы и втѣкай.

Въ Маластовѣ сутъ бабы
Маютъ добры коцюбы
А якъ будешъ барзъ брыкалъ
Коцюбами тя въ зубы!

Мистеръ Фецько.

РОЗЧАРУВАЛЪ.

Вывела газдыня на торгъ корову. Купылъ ю еденъ газда-гандляръ за сто та ищи сѣмъ паперикôвъ, тай гварить: Повѣчте мѣ правду газдыню (я знамъ вы тамъ здоровой коровыны не глупы продавати) што ѣй хибуе?! Не мате ся чого бояти, коровусте южъ продали и я вамъ пѣнязѣ выплатилъ. Та, хибуе не хибуе — гварить невѣста — лемъ та дакусъ боде, а я мамъ дробны дѣточкы и боюся ю тримати. Овва — отрюкъ газда — велька мѣ тамъ хиба, я ю заразъ съ того вылѣчу, лемъ мя пильно слухайте. Возьте тоты пѣнязѣ, котры я вамъ заплатилъ въ лѣву руку и подайте мѣ по подъ брюхъ коровы въ мою праву руку, а я вамъ ихъ засъ отдамъ понадъ хребетъ въ вашу праву руку. Лемъ вамъ ищи разъ реку и наказую: возьте тоты самы пѣнязѣ; возьмете грайцаръ меньше — цѣла робота до фраса. Баба такъ самѣцько зробила, якъ наказувавъ газда. Тотъ лемъ взялъ пѣнязѣ повѣлъ бабѣ: най тебе хороба боде, а не мене — пошолъ собѣ. *Сеньо«.*

ЖИДЪ И МАЗЕПИНЕЦЪ.

Жидъ:
Я и тобѣ, мы камраты,
Подемъ »Руссляндъ« воювати,
Украïну« будувати!
Добрѣ буде якъ не было,
Я мамъ »geldy«, ты машь рыло!
Шытко маме, што намъ тра,
Найважнѣйше тото два .

Мазепинецъ:
Коли дашь »грошъ«, то я шытко
Своимъ рыломъ рыю швытко:
Русь порыю и Ей Вѣру,
Въ Ей исторіи зроблю дѣру!
Готовъ за грошъ Русь продати,
Няня, маму зарѣзати,
Зъ хлопа для тя скору зняти!

В. Г.

НА БАЛЮ НА ПРЕТАКОВЦѢ.

Кавалѣръ: Хоцъ панна таньчицъ!
Панна: Е не хце мѣ ся.
Навал.: Але ходзь!
Панна: А не пойде.
Навал.: Хоцъ бо валье въ гембе.
Панна: А якъ южъ панъ такъ барзъ проситъ то пуйде.

Издатель Александръ Гассай. Отвѣтственный редакторъ Дмитрій Вислоцкій.
Зъ печатнѣ І. К. Якубовского В-вы въ Новомъ Санчѣ.